

Андрей Кружнов

Альтернативная фантастика
Субреальность

МАЛЕНЬКИЕ СОБАКИ

ТОЖЕ ЛЮБЯТ БОГА

Андрей Кружнов

**Маленькие собаки тоже
любят Бога. Рассказы**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кружнов А. Э.

Маленькие собаки тоже любят Бога. Рассказы /
А. Э. Кружнов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В первом фантастическом рассказе тема бескорыстной и сильной любви между человеком и собакой, как между двумя божьими сущностями. Встреча со второй и даже с третьей копией самого себя в альтернативной реальности. Во втором рассказе – тема подсознательных желаний и ответственности за них, особенно, если это касается отношений между мужчиной и женщиной. И неважно, что это происходит не на Земле, а где-то в параллельной реальности. Автор не предугадывает техногенное будущее Человечества, а пытается рассмотреть изменения психики человека вместе с изменением окружающего мира. Содержит нецензурную брань.

Содержание

МАЛЕНЬКИЕ СОБАКИ ТОЖЕ ЛЮБЯТ БОГА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

МАЛЕНЬКИЕ СОБАКИ ТОЖЕ ЛЮБЯТ БОГА

(Фантастическое происшествие на Родопском бульваре)

Мне самому трудно поверить в то, что произошло... Тем более рассказывать.

Это фантастическое происшествие случилось на фоне трагического события, когда разум был особенно возбуждён и раним. Я до сих пор не могу ответить на многие вопросы.

Так вот. Однажды я столкнулся со своим двойником...

Прошу не путать это с похожими на вас людьми. Такие раза два попадались в моей жизни. Правда, когда подходишь к ним совсем близко, начинаешь замечать всякие прыщи, не ту форму носа, слишком толстые губы...

Был такой случай в метро: я протиснулся к парню поближе, мы пристально посмотрели друг на друга, как на недоразумение или насмешку природы, и развернулись в стороны.

Так вот, мне «посчастливилось» встретиться с настоящим двойником. Это не столько внешнее сходство, сколько ощущение психического единства, он знает о тебе больше, чем ты сам; когда говоришь с ним, кажется, это говорит не он, а твой внутренний голос, порой хочется его убить, чтобы он не сболтнул лишнего при посторонних.

Этот двойник был гораздо полнее и, как мне показалось, старше меня. Тучноватый, даже обрюзгший, одет как-то странно: замызганный кожаный плащ, местами полопавшийся от старости, с серой паутиной трещин, с приплюснутыми нижними краями, словно их специально отдавливали утюгами или чем-то тяжёлым, чтобы эти самые края не заворачивались в трубочку от иссушения временем...

Мне почему-то важно копать в мелочах, а не махнуть сразу, с главного — я как будто ещё раз доказываю себе, что я был в здравом уме и твёрдой памяти. Но, к чёрту, все недостойные мелочи!

Так вот — ещё раз с самого начала.

В тот южный вечер я шёл по тускло освещённой аллее Родопского бульвара в Махачкале, тупо смотрел на пушистые желтушные цветы без названия и жевал какую-то дешёвую жвачку с ароматом резины... Давно бросил курить, но вместо этого появилась привычка постоянно что-то жевать.

Слева, в чернильной темноте лениво шуршало море ракушечным песком, наполняя мои лёгкие запахом морской воды.

Я сел на парковую скамейку с изломанной спинкой из деревянных брусьев. Именно здесь я часто пил баночное пиво с копчёными куриными крылышками из вакуумной упаковки. Естественно, Макс доставались кончики крылышек с сочными суставами, а мне ароматная мякоть и крепкое пойло.

Сегодня я был один.

Я похоронил Макса несколько дней назад.

Макс — мой гладкошёрстный чёрный ягдтерьер с рыжим галстуком на шее и такими же рыжими чулочками на лапах, мой любимый и верный друг. Я знал это всегда, но не представлял, как эта цена подскочит, когда Макса не станет.

Он убрался мгновенно, всего-то за три дня...

Три безумных дня!

Мы, как всегда, ездили на машине к морю, загорали, играли в мяч...

Вдруг у него начался приступ страшной жажды прямо на пляже. В первый день я не придумал этому значения — до сих пор не могу простить себе такую беспечность — мне казалось, он просто перегрелся на солнце. Бывает, подумал я.

На второй день стало тревожно, и я повёз Макса к ветеринару. Ветеринар оказался местным пенсионером-самоучкой с суетливыми глазами и вечно седой щетиной, растущей аж от самых глаз. Он оттянул Максу кожу на холке и быстрым движением всадил туда шприц. «Ловкач!» — восхитился я с затаённой надеждой. Он вкачал под кожу глюкозу, так что на спине образовался волдырь с кулак, влил ему в пасть водки «для настроения» и пообещал, что всё будет «гхарашо». Я готов был молиться на этого лезгина или аварца, лишь бы он помог моему другу!

На третий день Максу стало ещё хуже, и я уже с остервенением стал искать в мусульманской Махачкале профессиональную ветеринарную лечебницу! Адреса, на которые я приезжал, оказывались фиктивными, лечебницы были давно заброшены. Один врач (наверное, врач, раз он был в белом халате!), совсем плохо говоря на русском, звонил по телефону и кому-то долго объяснял про мою собаку. Оказалось, он думал, что я привёз мёртвую псину, чтобы проверить, нет ли у неё чумы. О, боже, и на это я убил столько драгоценного времени!

— Я эта... одному звонить... он туда-сюда... После намаз сюда придёт!.. — кричал он мне вслед, когда я злой бежал к машине, где меня ждал изнемогающий Макс.

Макс лежал на заднем сиденье автомобиля и испуганно-озабоченными глазами смотрел на меня: казалось, он понимал, что я хочу его спасти, но не могу, чёрт возьми! Наверное, он не мог поверить, что хозяин может быть таким беспомощным...

Я не знал, кого винить: себя за легкомысленность, мусульман за то, что они мусульмане и их мало интересуют умирающие собаки, медленный Интернет на моём планшете с липовыми адресами лечебниц?!

Наконец-то на экране андроида нарисовалась ещё одна вет.клиника на другом конце города — я молнией туда!

Металлическая дверь была наглухо закрыта!

Я готов был вдариться башкой об эту исписанную гнусностями, грязную дверь, припорошенную строительной пылью и мусором. Казалось, здесь никто не работает уже лет десять — металлическое гнездо для ключа махрилось ржавчиной, словно в заброшенном бункере от ядерной бомбёжки.

Слава богу, через планшет я случайно наткнулся на телефон врача этой клиники, и созвонился с ним. Он тоже оказался на дневном намазе, но, услыша мой дрожащий и перепуганный голос, пообещал подъехать через десять минут.

Я воскликнул про себя: «Да святится имя твоё, Интернет!»

Врач подъехал только через тридцать минут. За это время я успел стать расистом, националистом, человеконенавистником и атеистом. Когда же дверь лечебницы открылась, мои подлые мысли развеялись.

Максу тут же сделали капельницу, несколько уколов. Молодой врач почти не разговаривал, выписывал рецепты, брал анализы, щупал у собаки живот. Стёклышки, баночки, пробирочки...

Пока Макс лежал под капельницей, а это было часа три не меньше, в лечебнице побывало около десятка посетителей, в основном женщины. Все они приходили с котами и с кошками: кто-то объелся, кому-то надо было подстричь коготки, а кто-то сильно чесался, в общем, — ни одной псины. Мусульмане считают собак «грязными» существами, хотя в Коране об этом ничего не сказано. В каком-то из священных хадисов говорится, что собака испачкала слюнями руки одного из последователей Пророка, когда тот готовился к молитве, и несчастному пришлось мыть их несколько раз. С таким же успехом на её месте могла оказаться корова или кошка, или лошадь...

Чрезмерная брезгливость? Желание чем-то выделиться среди остальных народов? Никто из мусульман не мог мне сказать ничего вразумительного, что это за «грязь» и с чем она связана. Тогда я понял: предрассудки объяснить сложнее, чем веру в Бога.

Эти предрассудки и брезгливость исчезали, наподобие утреннего тумана, лишь стоило Максу начать игру в его любимые мячи-попрыгунчики — здесь ему не было равных! Большинство гуляющих в парке замирало и с удивлением глазело, как он мастерски снимает их в воздухе, летая, словно вратарь бразильской сборной на чемпионате мира. Мимо такого зрелища невозможно пройти равнодушно! Благочестивые мусульмане цокали языками и качали головами: «Слушай, какой умный собака! Такой дрессированный собака!» Я, конечно, подливал масла в огонь, заявляя, мол, он всему научился сам, без какой-либо дрессировки, чем приводил южан в полный восторг и изумление. Я ни капли не врал, для Макса это была, действительно, любимая игра, которая возникла сама собой безо всяких тренировок. Просто однажды ранним утром мы вместе её придумали...

Дети Макса обожали, как льва Бонифация из известного мультфильма, сразу же окружали его плотным кольцом и тянулись к нему руками. Макс, зажав в пасти мяч, тяжело дышал и терпеливо стоял, как музейный экспонат перед любопытными туристами. И даже те из детей, которым родители запрещали даже приближаться к собакам, скоро забывали об этом и тянулись ручками, чтобы прикоснуться к его вздымающимся от частого дыхания бокам.

Со временем у Макса среди детей появились верные друзья. Больше остальных я запомнил двоих: русского белобрысого мальчика по имени Родик и чернявого коренастого мальчишку Шахмира. Им я позволял водить собаку на поводке и купаться с ним в море. Вернее, Макс позволял...

И вот теперь этот любимец детей и взрослой публики беспомощно лежал на железном столе под капельницей.

Я наклонился над ухом Макса и прошептал:

– Прости, что я привёз тебя в город, где не очень-то любят собак.

Макс посмотрел на меня преданными глазами, словно хотел сказать: «Ничего, ведь главное, мы вместе, и ты меня любишь».

Доктор наказал на следующее утро сделать уколы дома или же привезти его сюда, если вдруг станет хуже. Мой страх стал понемногу отступать.

От раствора из капельницы Макс, видимо, полегчало: лёжа, он пошевелил хвостиком и потянулся ко мне мордочкой.

Я достал телефон и сделал несколько снимков Макса под капельницей — потом покажу друзьям и жене, как мы с Максом выкарабкивались с Того Света. Вот уж будут охать, удивляться и с умилением трепать его по загривку...

Если бы я знал, что это — последние фотографии живого Макса!

Боже мой!..

Я смотрел на прозрачные капли, стекающие в вену Макса по пластиковой трубке, как заколдованный. Я готов был сидеть так целый день или даже два дня, три — лишь бы это помогло моему другу. Я прислонился щекой к собачьему уху и стал шептать что-то ласковое и бодрящее, я говорил, что очень-очень скоро мы вернёмся на родину в наш любимый Светлозёрск, где над лугами и полями воздух от душистого разнотравья такой густой и пьянящий, — его собачий нос просто сойдёт с ума! А сколько там непроходимых лесов с зайцами, ежами, ужами, ящерками и прочей живностью, которая снуёт везде и ждёт не дожждётся Макса. Да-да, только он, великий охотник и следопыт всех лиственных и хвойных лесов, может догнать самых быстрых зайцев и отыскать в прелой листве самых хитроумных ежей...

Иногда его хвост слабо двигался по железному столу в знак согласия и благодарности... Макс уехал из Светлозёрска в три года, и прекрасно помнил его густые леса и поляны, где мы часто собирали грибы или просто валялись в траве.

Потом была безумная ночь дома, когда я через толстые шприцы вливал Максу в пасть обеззараживающий гель, куриный бульон с протёртой курицей, вливал питьевую воду... Всё делал так, как наказал доктор, но почему-то ловил себя на мысли, что стою над слабеньким телом Макса, как гестаповец в камере пыток над невинным ребёнком: в его взгляде была и мольба, и усталость... Он будто бы знал, что я уже ничем не помогу, он словно просил оставить его в покое...

У меня тряслись руки, я не желал сдаваться, я перепачкал гелем и куриным бульоном себя, Макса, простыни...

За окном слышались шумные голоса мальчишек — Макс тут же поднял голову и наострил уши. О чём он думал? Вспоминал, как гоняет с ребятнёй мячи-попрыгунчики по парку, вызывая восхищённые крики и радостный шум?..

«Слава богу, — подумал я, — значит, дело пойдёт на поправку».

Со спокойным сердцем я улёгся на пол, рядом с диваном, где лежало моё бесценное существо, включил тихо радио на планшете и незаметно для себя уснул.

Потом я много раз задавал себе вопрос, почему не почувствовал тогда приближение смерти? Может быть, Высшие силы внушили мне надежду и успокоенность специально, чтобы я не терзал уставшую собачью душу и дал тихо покинуть этот мир?..

Я резко проснулся где-то пол третьего ночи, и мгновенно протянул руку к Максу — его лапки уже были холодные и затвердели!.. Из маленького тела неслышно утекало ещё остававшееся тепло, что-то безвозвратно ускользало через мои ладони...

Всё это длилось буквально одно мгновение — я подскочил как ошпаренный!

Дальше я действовал с механической быстротой и тупостью: завернул Макса в простыни, на которых тот лежал, собрал в доме все игрушки, мячики, заводного мишку с новогодней песенкой, все его поводки и ошейники, положил туда же его цветную подстилку из поролона, все его миски, собачьи консервы из холодильника — всё, что имело хотя бы малейшее отношение к Максу. Всё это вместе с маленьким одеревеневшим тельцем я засунул в огромный пакет La Moda, оставшийся от жены, положил на заднее сиденье своего авто и поехал в парк. Там в сумерках я топором вырубил что-то наподобие могилы глубиной сантиметров сорок, положил туда пакет и присыпал землёй. На дереве я сделал две зарубки, чтобы не забыть место. На всё это, начиная с моего пробуждения, ушло не больше тридцати минут!

Куда я торопился? — не могу понять!..

В парк я поехал не колеблясь. Почему? Потому что Макс обожал живой шелестящий лес. Я схоронил его среди деревьев. Мы частенько гуляли здесь. Когда жена была рядом, мы любили всей семьёй болтаться по этому парку в выходные. Брали с собой еду, газировку. Макс бегал за мячиком или палкой... О тех днях остались трепетные воспоминания, словно об ушедшем детстве.

Прожив три года в Махачкале, жена не выдержала непривычного климата, убогую растительность и вернулась в Светлозёрск.

Возле Махачкалы не найдёшь леса, в лучшем случае узловатые искорёженные низкие деревца на склонах, кругом горы да степь, или бесконечное море, часто мутное, с песком из раздробленных ракушек и длинными плоскими водорослями.

Парк был единственным местом, где собачья душа Макса могла бы чувствовать себя вольготно. Казалось, она до сих пор витает где-то рядом...

На третий или четвёртый день после смерти — не помню точно — мне приснился Макс: стоит он на каком-то возвышении, вокруг редкая пелена тумана, а глаза его с глубокой тоской и испугом вопрошают меня: «Хозяин, что со мной случилось, что это?..» Я взглянул на собачий живот — и ужаснулся! Вместо живота торчали рёбра, окутанные кое-где клочками шерсти; и сквозь эти клочки я заметил маленькое собачье сердце, которое уже не билось, и лишь чудом держалось внутри этих рёбер, ненужное и тихое...

Во сне я чуть не задохнулся от неземной жалости и боли, которые разрывали душу! Я вскочил с постели, наскоро ополоснул лицо и побежал в парк, где была «норка» Макса — язык не поворачивался назвать это могилой.

Чем я мог ему помочь? Что было в моих силах?.. Я не знал ответа на вопросы, моя душа рвалась другу на помощь, поступки не имели никакой земной логики, я даже не задумывался, что я делаю — это был внутренний порыв, иррациональный и мгновенный.

Раннее утреннее солнышко пробивалось сквозь радостную листву; на свежем холмике, кое-где зацепившись за комья земли, ворочались шапки тополиного пуха; где-то над головой шумно крикнула ворона, поздравляя округу с новым днём; издалека вороне ответили и снова всё умолкло; утро было на редкость тихим и ясным...

Помню, как стоял около земляного холмика и бормотал что-то успокоительное, то ли себе, то ли Максу...

Неожиданно увидел, как через тропинку, мною же протоптанную к могилке Макса, идёт кошка. Она увидела меня и остановилась, глядя прямо в глаза. И вдруг кошка начала мяукать. Да, да, именно, что вдруг! Кошка нарочно исподлобья глядела на меня, остановившись в своём намерении идти куда-то дальше, и настойчиво мяукала.

– Ну, что тебе? — заговорил я с кошкой. — Ты пришла попрощаться с Максом?.. Или ты хочешь что-то передать от него?.. Правда, у тебя есть кое-что важное для меня?..

Что за глупость ты несёшь? Это нервный бред! Нормальные люди так себя не ведут!.. Мой разум наблюдал за мной со стороны и давал трезвые оценки. Я старался не обращать внимание на этого сварливого судью.

Разговор с кошкой продолжался несколько минут. Потом, да простят меня верующие, внутри свежим стеблем проросла потребность в молитве. Разум возмутился, обзывал богохульником, но я не сдержался: чувства и слёзы нахлынули и с губ слетел «Отче наш»...

Я просил за своего друга, просил за эту маленькую преданную душу, и совсем было неважно собачья она или какая-то ещё.

Господи, избавь его от страха и мучений! Даруй ему покой и радость! Пусть душа его не знает печали и всегда чувствует твою любовь и свет!..

Я страстно желал помочь своему любимому существу, которое растворилось в этой зелени, в этом воздухе, в солнечных лучиках, пляшущих на резной листве...

Очень скоро прилетели две синички и уселись на ветку передо мной. Они радостно чирикали, прыгали по тонкому прутику и вертели головами... Вдруг одна из них спорхнула вниз, прямо на земляной холмик, схватила какого-то светлячка — в тени кустов мигнул изумрудом его крохотный панцирь — и мгновенно взмыла ввысь!..

Я задрал голову, но увидел лишь тёмную тень, быстро растворившуюся в ослепительном небе... «Он принял душу Макса на небеса!» — вспыхнуло в мозгу.

У меня словно камень упал с души, стало легче дышать, и неизбывная горечь размылась в окружившей меня зелени, смешанной с божественно чистым солнцем.

Я тут же развернулся и пошёл прочь, будто опасаясь утратить то чувство умиротворения и радости, которое снизошло на меня.

Потом я частенько гулял в этом парке, вспоминая Макса, и надеялся, что умиротворение будет вечным, а тоска и боль со временем угаснут.

Да, они угасали... Но вдруг накатывала волна, и с новой силой хоровод мыслей и настроений закручивал меня — для этого было достаточно бросить взгляд на куст, в котором прятался Макс, когда мы играли в прятки, или увидеть изодранный его клыками ясень.

Вот и сейчас: я сел на сломанную скамейку, где так любил пить пиво, гуляя с Максом.

Я откупорил банку и почувствовал, что кто-то присел на другой конец лавки: слышно захрустел кожаный плащ.

Махачкала мусульманский город, поэтому увидеть пьющего человека на улице — невероятно. На скамейках мужчины обычно играют в шахматы или обсуждают то, что недавно прочитали в газетах. Мамаши толкают перед собой карапузов, которые неуклюже перебирают кривыми ножками, а другой рукой катят пустые коляски...

Полагаю, никто бы не возразил, пей я тихо на лавке пиво, но почему-то не поднималась рука хрустнуть крышкой, откуда с предательским шипением вдруг поползёт снежная пена... Казалось, ты голый среди одетых людей.

Поэтому я предпочитаю густые сумерки и сломанную скамейку в тупике парка, куда не забредают мамочки с карапузами и не чахнут над клетчатými досками седые любители шахмат.

На этот раз я оказался не один.

Проигнорировав упитанного незнакомца, который развалился на краю лавки, я сделал глоток горького пива. В конце концов это моё старое место, почему я должен бежать.

— Не самое лучшее пиво, — заметил мой сосед. — Крепкое, конечно, да.

Я был расслаблен и миролюбив. И сделал ещё глоток, ответил:

— Цена. Три банки пива — почти бутылка водки. Вкус, конечно, спиртяжный... Но бюджет не страдает.

— Вы скрытый пьяница? — поинтересовался собеседник.

Ответ был такой же бесцеремонный:

— Лучше быть скрытым пьяницей, чем открытым идиотом.

Собеседник тяжело привстал, сел на краешек всей тушей, и развернулся ко мне: шляпа с полями, надвинутая на глаза, скрывала его лицо.

— Не хорохорьтесь, — сказал незнакомец. — Вы потеряли друга и вам кажется, что вы имеете право плевать во все стороны. Вы сейчас очень жалеете себя, а это прямой путь к агрессии, к саморазрушению.

— О чём это вы? — спросил я как можно безразличнее. Но внутри меня что-то зашевелилось... Что-то похожее на испуг.

— У вас умерла любимая собака. Я часто видел вас в этом парке — очень милая ласковая собачонка... — он замолчал, будто решая, куда двинуть наш разговор. — Я хочу сделать для вас кое-что. Это важно. Я так думаю... Просто сейчас вы можете неправильно понять мои слова. Вам даже может показаться, что я шучу.

Я отхлебнул ещё пива и попытался уловить подвох в его словах. Посмотрел повнимательнее, но лица так и не разглядел, только край щеки и ухо смутно высвечивались от тусклого фонаря.

— Не бойтесь, я ещё не сошёл с ума от горя, — ухмылка заиграла на моих губах. — Если вы станете неприятны, я просто встану и уйду. Вот так! — я вытряс в рот остатки пива, со скрежетом смял в кулаке алюминиевую пустышку и швырнул в урну.

Незнакомец безучастно посмотрел в урну, на меня и покачал головой:

— Больше не пейте. Нужны свежие мозги и хорошее владение телом. Вестибулярный аппарат и ощущение окружающего пространства должны быть близки к идеальным. Или хотя бы нормальными, — его рот растянулся в какой-то старой, знакомой улыбке.

На этих словах толстяк будто бы специально повернулся к фонарю — и я увидел СОБСТВЕННОЕ ЛИЦО! Несколько секунд я вглядывался, очевидно, пытаюсь разгадать чью-то злую шутку, кто смог так мастерски заgrimироваться... Но чем больше вглядывался, тем яснее понимал — это моё лицо!.. Единственное, это лицо было старше оригинала лет на пятнадцать: из ноздрей торчали волосы, под глазами морщинистые мешки, второй подбородок, как тесто, лез наружу воротника, из ушей торчали длинные седые волосы, как у старого чёрта, — мерзость!

Незнакомец будто прочитал моё «восхищение» его внешним видом, и снова скрылся в тени.

– Что это было? — спросил я, то ли его, то самого себя.

– Ваше лицо. Лет через десять-пятнадцать... — незнакомец натужно вытаскивал свой плащ из-под толстых ляжек. — Только не думайте, что вы — это я. Или наоборот. Мы с вами вероятностные двойники, хотя и составляем одно целое.

Последнюю фразу он произнёс дружелюбно, и достал из кармана яблоко:

– Если мы будем кушать это яблоко, каждый свою часть, это значит, каждый будет кушать именно это яблоко, — он с хрустом разломил спелый шафран и протянул мне половину. — Если это яблоко разделить на тысячу кусков и раздать тысяче голодным, то все они будут есть одно и то же яблоко — представляете!

– Гениально! — я саркастично скривил рот, но к яблоку не притронулся. — А вы не задумывались, что сейчас на Земле семь миллиардов человек вдыхают один и тот же воздух.

– Вот именно, — подхватил мой двойник, хрустя сочной мякотью. — Поэтому все мы являемся единым целым. Наши лица, пол, одежда, религия, физические отличия друг от друга — это всего лишь условность... — он на секунду задумался. — Даже не условность, мы все являемся вероятностью одного и того же. Множеством вероятностей.

– Спасибо, я где-то уже читал об этом... Мы все являемся сном Будды, а Будда, сон Кришны, — пытался я достать из памяти что-то теософское и наукообразное, дабы не ударить в грязь лицом. — Всё — пустота!

– И да, и нет, — ответил незнакомец. — Мне в пору эти брюки, но это не значит, что они часть моего тела. Я наслаждаюсь вкусом горького пива, но разве это пойло часть меня? Всё вокруг: одежда, люди, секс, мой пенис, пиво, копчёные крылышки — всё это позволяет мне быть самим собой! Благодаря этому, из вероятности я становлюсь реальностью. Да, да, не обязательно сочинять «Yesterday» — плевать! Можно просто обжираться салом с водкой и жареной картошкой, бить морду соседу и требовать от жены секс с небольшой дозой здорового извращения. Самое главное, ты существуешь!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.